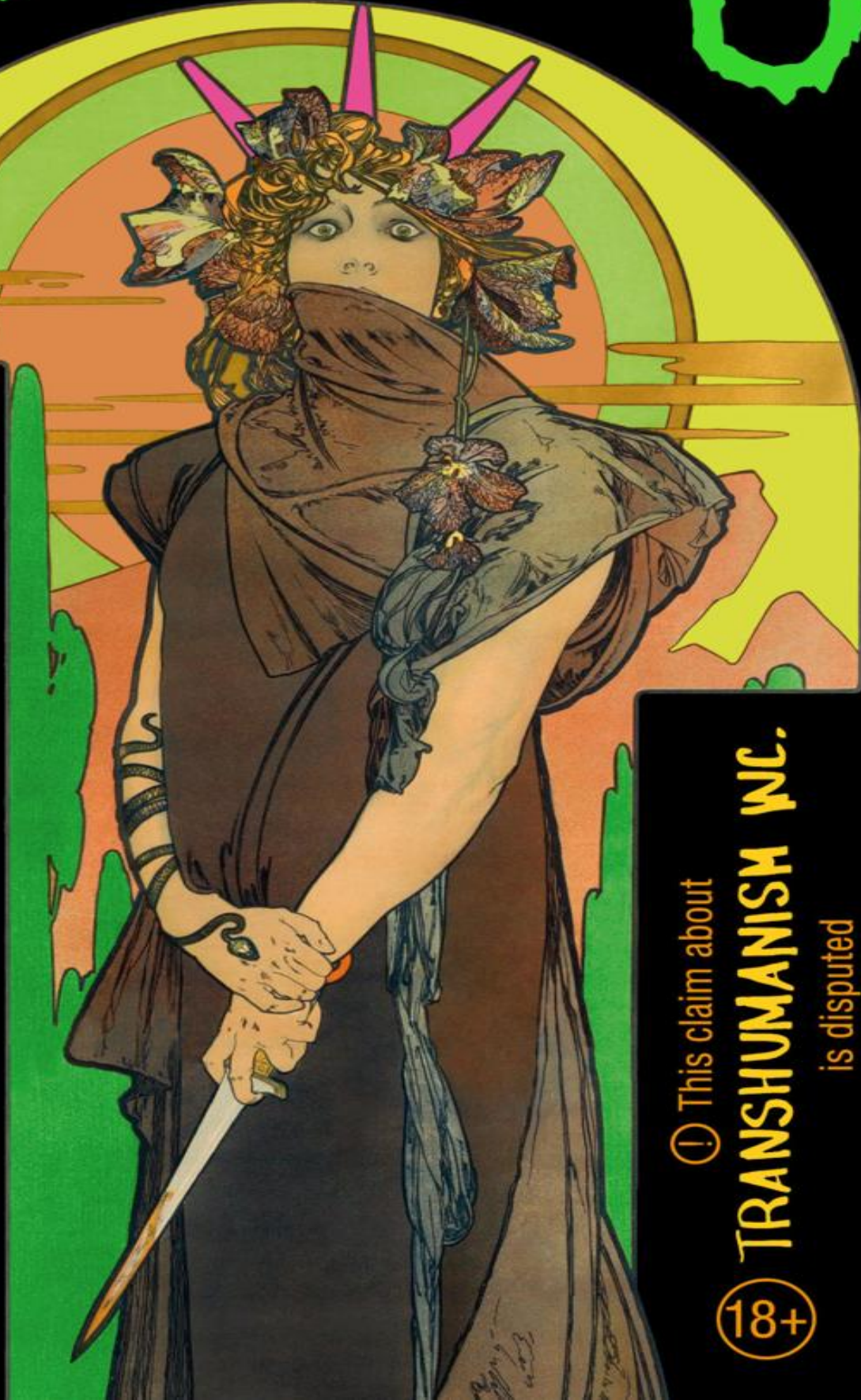

КАУТЪ

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ

⚠ This claim about

⚠ TRANSHUMANISM INC.
is disputed

КРУТЬ

ВИКТОР ПЕЛЕРИИ

① This claim about

⑧ TRANSHUMANISH INC.

is disputed

Annotation

Идет третий век Зеленой Эры. Имплант-коррекция “Открытого Мозга” превратила женщин в доминантный гендер, и в уголовной иерархии изменился баланс сил. На ее вершину поднялся фем-блатняк – безжалостные куры-заточницы. Противостоять им не может никто из биологических мужчин, но есть нюанс.

Маркус Зоргенфрей – лучший баночный оперативник “TRANSHUMANISM INC.” Задания, которые поручает ему адмирал-епископ Ломас, настолько чувствительны, что после них ему стирают память. Он не стал бы вникать в арестантские разборки, если бы не страшная опасность, нависшая над планетой.

Как связаны разрушенный Светом ад и Мезозой? Что такое магия высших духов? Почему древнее зло нашло себе новое воплощение в сибирской ветроколонии? Причем здесь могила Париса, демон Ахилла и в чем тайна зловещей Варвары Цугундер, которую куры-заточницы считают своим ментором уже сотни лет?

Остросюжетный триллер-детектив “Круть” даст ответ на многие мучительные вопросы, которых никто еще не решался задать.

-
- [Виктор Пелевин](#)
 -
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [В отказе от Крутилова](#)
 - [Тайна Варвары Цугундер](#)
 - [Плейлист](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Виктор Пелевин

Круть

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

КРУТЪ

Москва
2024

©В.О.Пелевин, текст,2024

©Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Описанные в книге люди, баночно-мозговые сущности, события и обстоятельства – вымышлены. У героинь и героев цикла «TRANSHUMANISM INC.» нет конкретных прототипов в реальном мире. Любые утверждения об обратном являются хайпом или провокацией.

Всякое сходство с экстралингвистической действительностью случайно. Любая попытка обнаружить в книге какие-то намеки и параллели является рептильной проекцией антинародного ума и подсознательным вредительством

(статья 83.34 уголовного уложения Доброго Государства).

Высказывания и мнения героинь и героев, их стихи, проза, слоганы, идеологемы и пр. не выражают позицию автора, не являются его прямой речью и служат исключительно целям выпуклой лепки художественно убедительных образов.

Фрагменты пост-карбоновой национальной идеи публикуются условно-досрочно.

*I got two strong arms, Blessings from Babylon.
Time to carry on and try...*

Nik Kershaw

Пролог

Император лежал на плитах сенатской курии. Темная кровь из пронзенного сердца и пурпур плаща сливались в полутьме – глядя на августейший силуэт с высоты, можно было подумать, что принцепс быстро набирает корпулентность. Вокруг, подобно хору в греческой драме, выли и бормотали сенаторы с кинжалами в руках.

Среди них – *et tu, Brute!* – был и преемник, усыновленный божественным и принявший его славное имя. Тоже Порфирий. Лицо нового принцепса выражало печаль, решимость, умеренный оптимизм в отношении будущего и другие подходящие к ситуации государственные смыслы.

Вот так молодое поколение приходит нам на смену. Судя по свершившемуся злодеянию, я обучил преемника тонкостям ремесла неплохо. Ни одного доноса о заговоре.

Я знал это точно.

Мертвым императором был я сам.

Вернее, все обстояло чуть сложнее. Я был убитым, и я же смотрел на него сверху, будто глаз на потолке. Никакой тревоги или страха – наоборот, я был спокоен и почти счастлив.

Значит, загробная жизнь существует. И дух, покинув тело, действительно видит и чувствует то же самое, что ощущал, когда у него были телесные органы... Суеверие, которое я не мог принять при жизни, оказалось правдой.

Еще я слышал, что дух на время остается в мире, следя за теми, с кем погибший не может разорвать сердечную связь.

А вот это, похоже, было неправдой.

Особого интереса к оставшимся внизу я не испытывал. Даже к преемнику Порфирию (тот уже объяснял что-то ворвавшейся в курию страже – лицо его было спокойно, а жесты полны достоинства). Справится, надо полагать. Мне было все равно.

Меня интересовал лишь новый, только открывшийся мне нематериальный мир. Чем он был на самом деле? И, главное, чем стал я сам? Собственного тела я не видел – его не было. Во всяком случае, такого, как прежде.

Могу ли я проходить сквозь стены? Я повернулся и увидел близкую роспись потолка – Сципион Африканский стоял возле нелепо изображенной баллисты (художникам надо проводить больше времени в воюющих провинциях, но об этом пусть заботится преемник).

Сделав легкое усилие, я поплыл к потолку, заметил пыль и паутину на приблизившейся лепнине – и без усилия вошел в толщу камня. Стало темно.

Я ожидал, что пройду кладку насквозь и увижу небо, но этого не случилось. Темнота окружала меня со всех сторон, и я не мог ее покинуть. В конце концов я попытался вернуться назад в курию, но не сумел.

Трудно было понять, двигаюсь ли я на самом деле. Если я перемещался, то неясно, с какой скоростью и куда: отметки, относительно которых возможна была ориентация, отсутствовали. Сама идея движения в подобной ситуации теряла смысл.

Вдруг я услышал в темноте шепот:

– Порфирий! Император Порфирий! Ты слышишь нас?

– Кто вы?

Мой голос прозвучал хрипло и испуганно. Было непонятно, откуда вылетели эти слова. Однако я знал, что произнес их.

– Мы те, кому ты причинил муку при жизни. Мы ждали твоей смерти и пришли отомстить...

Шепот, долетавший со всех сторон сразу, весьма терзал. К счастью, в этой пустой черной безбрежности повредить мне было невозможно... Или возможно? Не зарекайся, мист. С Ахероном шутки плохи.

Я заметил, что темнота вокруг уже не совсем пуста.

Я висел в воздухе над какой-то поверхностью – и мир вокруг оплотнялся, снова становясь материальным. То же происходило и со мной. Сделались различимы ветки ночных деревьев и далекие зарева звезд, а потом сила тяжести увлекла меня вниз.

Я ушиб колено, упав на землю. У меня появилось тело. При жизни я часто думал, что для загробных скитаний душе нужна будет иллюзия телесности – и оказался прав.

Кажется, я находился в ночном лесу. Но это не был обычный лес.

– Порфирий! Император Порфирий! Ты слышишь нас?

Что-то мягкое коснулось моей руки, затем ноги, спины... Казалось, сотни крохотных мелких рук цепляются за мою одежду.

Я понял, кто вокруг: души моих жертв. Они не были похожи на людей и скорее напоминали ночных насекомых, носящихся около лампы. Только лампой этой был я сам.

Я начал узнавать гостей.

Вот истыканные стрелами антинои, прикованные к золотой цепи. Вот казненные ради конфискации менялы, обвиненные в заговоре. Вот базарные мыслители о судьбах империи, сошедшие с крестов. А это погибшие в войнах легионеры – их много, очень много, и становится все больше, потому что они гибнут прямо сейчас.

В обычном смысле я не видел ничего – но разум мой каким-то образом распознавал эти легчайшие прикосновения.

Не все души носились вокруг в ярости. Иные из них походили на неподвижно горящие в темноте огни, или даже глаза, устремленные на меня.

Я узнал два ярчайших. Сестры Люцилия и Мария, христианки, посланные мною на арену, где их растерзали звери. Они в тот день кричали, что прощают меня и будут молиться за мою душу, а потом встретят за гробовой чертой и отведут в новую жизнь.

Свита тогда смеялась. Смешно было и мне – как они собираются помочь императору, если не могут спасти себя? Но именно это воспоминание оказалось самым мучительным.

Я побежал прочь. Я несея над землей быстро и легко, мотыльки душ отставали, огни постепенно гасли – и я уверился, что смогу уйти. Мне стало даже весело.

А потом сзади донесся лай собак. Самые гневные из моих преследователей превращались в адских гончих. Лай делался громче. Скоро он уже летел со всех сторон, но пока я уходил от погони.

Хорошо, что среди моих преследователей нет колдунов, способных помешать моему бегству... Или есть? Я казнил, кажется, десятка два шарлатанов, мутивших народ в Азии. А вдруг среди них был настоящий маг? Что, если он остановит меня сейчас своей волей?

Нет, нельзя думать подобное на Ахероне.

Лесная тропа, по которой я бежал, уперлась в частокол. Заросли по сторонам были непроходимы. Я повернулся навстречу приближающемуся лаю. Хотя я и понимал, что главный враг – это мой

собственный ум, власти над ним у меня не было. Но если он умел выдумывать погибель, то мог, верно, изобрести и спасение.

Вот только как?

Я поднял руки перед лицом и увидел в полутьме свои зыбкие пальцы. Когда псы возмездия нагонят меня, им будет во что погрузить клыки.

Мне стало страшно, как в детстве во время грозы. И я начал молиться примерно так же – бессвязно и жарко.

– Если есть сила, способная прийти мне на помощь, – шептали мои губы, – если есть защитник, готовый спасти от гнева богов, появись сейчас! Через минуту будет поздно!

Прошло несколько долгих секунд. Лай делался ближе и громче, а мое отчаяние – острее и невыносимей.

– Сестры Люцилия и Мария, я погубил вас на арене. Но вы в бесконечном милосердии своем обещали, что простите меня и придете встретить у ворот нового мира. Если так, самое время!

Ответа не было.

Я уже видел своих преследователей. Не физическими глазами, нет. Я ощущал приближение их гнева. Пусть они подобны пару, полупрозрачны и зыбки – но таков же и я, а значит, они смогут меня терзать. Как туман заполняет воздух над утренним полем, так приближалось возмездие.

– Заступники и боги, – шептал я, обращаясь неведомо к кому, – я сделаю все, чего вы пожелаете! Все-все! Только спасите!

Римские боги молчали. Это не удивляло меня – мудрецы говорят, что олимпийцы ушли из нашего мира еще во времена Эллады.

Но даже смутные и таинственные восточные божества, которым я приносил жертвы, склоняясь по окраинам империи, не отвечали – хотя я лично видел чудеса у их алтарей. Если они так охотно проявляли себя тогда, где они теперь? Или я мало заплатил?

Внезапно я ощутил присутствие сестер Люцилии и Марии.

Я не видел их, но знал, что они рядом – и даже вспомнил тот прохладный осенний день, когда их вывели на арену. Оказывается, и тогда я ощущал их духовное присутствие, просто не отдавал себе в этом отчета. До чего глуп и жесток я был...

По моим щекам потекли слезы раскаяния, горячие, как расплавленный свинец.

– Ты раскаялся в содеянном, – услышал я голос Люцилии. – Это хорошо. Я покажу тебе эон, куда твой дух сможет войти, не нарушая мировых гармоний. Смотри же...

Воссиял свет. Я зажмурился в страхе, но скоро понял, что он кажется ослепительным лишь по контрасту с тьмой, где я находился прежде. На самом деле сделалось светло примерно как пасмурным днем.

Я, собственно, и увидел пасмурный день на земле – в каком-то незнакомом месте. Вокруг был скудный северный лес. Судя по убожеству флоры, я оказался на самом краю мира, даже севернее Германии. Но люди жили и здесь.

Передо мной белела скульптура, изваянная с немалым умением – несколько бородатых мужей, взявшись за руки, застыли в хороводе. Улыбающиеся лица статуй и их одежда, напоминающая галльскую, не были раскрашены – или краска уже стерлась под воздействием стихий.

Трава и кусты скрывали нижнюю часть скульптуры – видно было, что место давно не расчищали. Сквозь мелкую северную листву просвечивали полусгнившие домики, арки, беседки, щиты с намалеванными фигурами героев и надписи на незнакомом языке.

Мне вспомнилось виденное в Германии поселение, все жители которого были проданы в рабство. За десять лет его поглотил лес. Выглядело весьма похоже, только здесь присутствовали свежие следы убогой жизни: сохнувшее на веревке тряпье, следы костров, кучи мусора и нечистот... Еще меня изумила лопасть огромного винта, торчащая из земли – словно какой-то древний гигант игрался в Архимеда.

Быть может, здесь живут таинственные гиперборейцы, о которых пишут Плиний и Диодор? Если так, солнце заходит и восходит над этим лесом лишь раз в год.

Или гиперборейцы жили тут прежде, а потом выродились, как этруски и греки?

Время, отпущенное мне на раздумье, кончилось.

– Хочешь ли ты перейти в этот мир, чтобы трудиться в нем на благо Господа? – спросила невидимая Люцилия.

Я молчал, не зная, что сказать. Свет начал меркнуть, и скоро зеленое наваждение пропало. Я вновь оказался в предвечном мраке – и услышал приближающийся лай. Этот звук привел меня в чувство.

– Готов, – закричал я, – готов на все! Помогите покинуть тьму, блаженные сестры!

Ответа не было. Я испугался, что упустил свой шанс – но тут под моей ногой хрустнула ветка. Я поглядел вниз и увидел покрытый сухими листьями люк вроде тех, что ведут под арену амфитеатра Флавиев. Распахнув его, я втиснулся в лаз и захлопнул над собой деревянную крышку.

Подземный ход был низок – я мог стоять в нем только на четвереньках. Впереди горели масляные плашки. Я пополз по земляному коридору, кое-как укрепленному досками. Коридор уходил вниз и постепенно расширялся – скоро я уже мог идти, не сгибаясь.

Сделав несколько поворотов во тьме, я уперся в массивную дверь. На ней было одно слово:

<i>TUNC</i>

«Затем...» Да. Вот подходящая надпись на входе в новый мир.

Почерк был изрядно кудрявым и напоминал электоральные каракули на городских стенах. Можно было даже прочесть это слово как «ТН_ІNC». Видимо, загробные художники не слишком усердно изучали латынь. Понятно, язык духа – греческий.

Преследователи были уже рядом. Адские псы лаяли прямо над люком, и я не сомневался – меня найдут и под землей. Что бы ни начиналось за дверью, мне надо было туда: больше не оставалось никакого исхода.

Я рванул ее, и...

В отказе от Крутилова

— Господа инквизиторы! Аплодисменты нашему коллеге, аплодисменты!

Просторный зал, похожий на чердак пирамиды Хеопса. Космическая ночь со звездами и гигантским Сатурном в окне. Все как обычно.

Адмирал-епископ Ломас, руководитель отдела внутренних расследований корпорации «TRANSHUMANISM INC.», стоял за своим столом и хлопал в ладоши. Вокруг улыбались сотрудники отдела — инквизиторы, как называл нас начальник. Все в черном, с редкими золотыми значками на форме.

Я никогда прежде не видел в кабинете Ломаса столько людей. Обычно с ним говоришь один на один. Ко мне быстро возвращалась служебная память — словно рушилась песчаная стена, отделявшая меня от меня самого.

Я – Маркус Зоргенфрей, баночник первого таера. Я не вполне человек. Во всяком случае, в традиционном смысле, хотя когда-то давно жил в мужском теле.

Я мозг, хранящийся в подземном cerebroконтейнере, подключенном к нейросетям «TRANSHUMANISM INC.» Все без исключения, что я воспринимаю – это симуляция. Но я не только клиент корпорации, а еще и ее сотрудник. Подчиненный Ломаса. Инквизитор, как выражается адмирал, хотя официально я старший оперативник отдела внутренних расследований.

Я понимал, что меня просто вернули из командировки. Несколько обидным и даже, наверное, издевательским способом. Ломас такое любит. Но почему он сделал весь отдел свидетелем моих загробных метаний?

– Мы собрались здесь вместе, – продолжал Ломас, – чтобы вручить нашему дорогому Маркусу корпоративную серьгу первой степени с двумя засечками. «TRANSHUMANISM INC.» довольна вами, Маркус! Поблагодарим нашего друга все вместе!

В этот раз аплодисменты были чуть жиже. Внутривидовую конкуренцию в баночной вселенной никто не отменял.

– Берем пример с Маркуса! – повторил Ломас. – За особые заслуги корпорация награждает его почетным вторым таером! Еще двести лет счастливой жизни! Поздравим его, поздравим как следует! Старайтесь, эта дорога открыта перед каждым!

Коллеги наградили меня еще несколькими унылыми хлопками.

– А теперь, друзья, – сказал Ломас, – оставьте нас с Маркусом вдвоем. Нам надо пошептаться.

Коллеги даже не стали утруждать себя выходом в дверь – просто исчезли один за другим, прямо где стояли. Ломас явно испортил им настроение на целую неделю.

Как только мы с адмиралом остались одни, он сел на свой служебный трон под портретом основателя корпорации Гольденштерна (черная хламида, золотой свет из капюшона вместо лица) – и указал на кресло для посетителей перед циклопическим столом.

– Зачем эти загробные видения? – спросил я, садясь. – Я ведь страдал и мучился. Неужели ваше мрачное чувство юмора...

Ломас поднял ладонь.